

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Поварская, д. 15,
г. Москва, 121260

защитника _____
в интересах _____

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА

Приговором ___ областного суда от 23 октября 200_ года, постановленным на основании обвинительного вердикта присяжных заседателей, С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б», «в» ч. 4 ст. 162, «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательно назначено наказание в виде 15 лет 9 месяцев лишения свободы; К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б», «в» ч. 4 ст. 162, «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательно назначено наказание в виде 14 лет 9 месяцев лишения свободы. Кассационным определением от 9 февраля 200_ года приговор оставлен без изменения.

Приговор от 23.10.200_ г. и кассационное определение от 09.02.200_ г. подлежат отмене ввиду наличия совокупности допущенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст.412.9 УПК РФ).

1. Присяжным заседателям были представлены недопустимые доказательства. В числе иных:

1.1. Протоколы явок с повинной гр-на С. от 12 июня 200_ года, ввиду принятия председательствующим необоснованного решения об отказе защите в исключении данных доказательств из уголовного дела (Т. _ л. д. ___).

Согласно ч. 1 ст. 142 УПК РФ «заявление о явке с повинной — добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении».

Буквальное, логическое и систематическое толкование указанной нормы позволяет утверждать о наличии трех обязательных элементов для признания наличия факта явки лица с повинной:

- Добровольность /1.1.1/ — отсутствие сведений у компетентных должностных лиц как минимум о причастности «явившегося» и сообщение таких сведений лицом по собственной инициативе /1.1.2/(либо о событии преступления);
- Наличие повинной — признание собственной вины в совершении преступления;
- Указание на самого себя как на лицо, совершившее преступление.

Отсутствие хотя бы одного элемента лишает возможности обоснованно утверждать о наличии явки с повинной, как юридического факта.

В данном деле отсутствуют все три обязательных элемента, либо, иначе говоря, не присутствует ни один существенный признак, установленный законодателем для явки с повинной. Подробное обоснование каждого из указанных элементов приведено в имеющейся в материалах уголовного дела кассационной жалобе защитника, что, однако, не повлекло за собой мотивированной оценки в кассационном определении от 09.02.200_ г.

1.2. Заявление П. (Т. __, л. д. ___).

В качестве обоснования принятого решения председательствующим указано, что "из содержания и формы заявления следует, что оно направлено для устранения неточностей, которые сделал П. в ходе

допроса 27.03.200_ года... заявление направлено для уточнения изложенных в протоколе сведений".

Выраженная в постановлении позиция напрямую вступает в противоречие с уголовно-процессуальным законом. В соответствии с ч. 6 ст. 166 УПК РФ протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц.

В любом случае, все "уточнения изложенных в протоколе сведений" должны быть удостоверены подписью защитника П. Вследствие отсутствия таковой процедура "уточнения протокола" оказалась невосполнимо нарушена, соответственно, заявление от 27.03.20XX г. не могло быть исследовано с участием присяжных заседателей.

2. В ходе судебного разбирательства председательствующий неоднократно нарушал право обвиняемых на представление доказательств, в том числе и путем отклонения вопросов защитников к допрашиваемым лицам; вопросов, направленных на выяснение фактических обстоятельств дела в пределах компетенции присяжных, нарушая при этом принцип состязательности и равноправия сторон. Перечень вопросов с соответствующим обоснованием приведен в имеющейся в материалах уголовного дела кассационной жалобе защитника. Оценка приведенных доводов в кассационном определении отсутствует.

3. Вердикт коллегии присяжных заседателей, среди прочего, был постановлен в результате произнесения председательствующим необъективного напутственного слова.

Нарушение принципа объективности и беспристрастности, среди прочего, проявилось в следующем.

3.1. До присяжных были доведены не соответствующие действительности сведения о последствиях признания подсудимых заслуживающими снисхождения, применительно к имеющейся в настоящем деле конкретной правоприменительной ситуации.

Во-первых; применительно к ч. 2 ст. 105 УК РФ председательствующий разъяснил о «правиле 2/3», которое не имеет никакого отношения к определению размера наказания по данной статье, т.к. в рассматриваемом случае может быть назначено наказание до 20 лет лишения свободы без всякого намека на какие-либо дроби (не может лишь применяться пожизненное лишение свободы).

Во-вторых; председательствующий не упомянул о ст. 69 УК РФ вообще, которая позволяет окончательное наказание по предъявленному обвинению назначить вплоть до 25 лет лишения свободы (учитывая ч. 4 ст. 162 УК РФ), благодаря чему, в итоге, присяжные остались в заблуждении относительно реальных последствий признания подсудимых заслуживающими снисхождения.

Доведение одной части информации с одновременным сокрытием другой части информации, влекущее существенное изменение общего представления о предмете есть один из способов введения в заблуждение, что, в конечном итоге и произошло в настоящем деле.

В конечном счете, председательствующий неправильно разъяснил последствия признания подсудимых заслуживающими снисхождения, оставив итоговое впечатление о том, что больше, чем на 13 лет и 4 месяца подсудимые лишены свободы быть не могут.

3.2. Председательствующий напомнил об уличающей части ряда доказательств, умолчав в значительном объеме про их оправдывающую часть.

3.3. В напутственном слове председательствующий затронул вопросы, очевидно не входящие в компетенцию присяжных, при этом допустив существенное искажение доведенной информации.

Напутственное слово содержало не предусмотренный законом раздел о так называемых «последствиях вердикта» (ст. 340 УПК РФ не содержит такого дозволения, среди семи пунктов ч. 3 ст. 340 УПК такого не встречается).

Во-первых; председательствующий затронул процедуру разрешения вопроса о мере пресечения, сообщив присяжным, что в случае вынесения оправдательного вердикта он отдаст распоряжение конвою отпустить из-под стражи подсудимого. Эта информация соответствует действительности, но не соответствует требованиям процессуального закона (ст. 334, 340 УПК РФ).

Во-вторых; присяжным было дважды сообщено, что «...никакого доследования, как ошибочно иногда полагают, не предполагается»:

«В своей практике я сталкивался с тем, что присяжные заседатели не в полной мере представляли себе последствий принятия ими того или иного решения, порой считают, что если они ошибутся, то дело будет направлено на дополнительное расследование».

В этой части сведения, доведенные до присяжных, не только незаконны, но и не соответствуют действительности, так как в случае установления непричастности подсудимых, дело направляется в следственные органы с целью установления причастных лиц, что, в конечном счете, предполагает «доследование». По этому поводу позиция правоприменителя однозначна, а сформировавшаяся практика единообразна.

Как, собственно, и позиция законодателя, о чем председательствующему не могло быть неизвестно.

Извлечение из ч. 3. ст. 306 УПК РФ: «В случае вынесения оправдательного приговора ... суд решает вопрос о направлении руководителю следственного органа ... уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого».

Говорить о соответствии действий председательствующего процессуальному закону в этой части вообще не приходится, так как здесь были затронуты узкоспециальные, процессуально-технические вопросы движения дела, не имеющие никакого отношения к полномочиям присяжных.

3.4. В конечном итоге, напутственное слово было произнесено с существенным отступлением от принципа объективности и беспристрастности, а все нарушения были направлены против подсудимых, что и повлекло постановление обвинительного вердикта — 7 против 5.

Предвидимая ссылка на незаявление возражений стороной защиты в связи с содержанием напутственного слова председательствующего в данной ситуации не будет основана на законе по нескольким самостоятельным основаниям.

Во-первых; выбор момента произнесения возражений остается за участником процесса, процессуальный закон в ч. 6 ст. 340 УПК РФ не содержит каких-либо пресекательных сроков реализации данного права.

Во-вторых, данный аспект был затронут в судебном заседании, и возражения были заявлены защитником Т. 20 октября 200_ года.

В-третьих; отсутствие возражений не тождественно отсутствию оснований для их заявления. Соответственно, при наличии фактов, свидетельствующих о необъективности напутственного слова, суд вышестоящей инстанции обязан произвести анализ данных обстоятельств, иначе само право обвиняемого на

справедливое судебное разбирательство судом кассационной инстанции оказалось бы фикцией.

Иное толкование затрагиваемых норм позволило бы оставлять без исправления фундаментальные нарушения процессуального закона, исходя лишь из субъективного выбора способа и объема пользования своими правами конкретных участников процесса.

4. Среди ряда оснований к отмене обжалуемого приговора имеется и такое безусловное нарушение процессуального закона, как нарушение тайны совещания судей.

Так, 3 октября 200_ года секретарем судебного заседания М. была нарушена тайна совещания судей (присяжных заседателей) в ходе формирования ответов на вопросы вопросного листа: последний неоднократно заходил в совещательную комнату и доводил до сведения совещающихся присяжных заседателей различную информацию обвинительного характера.

В описательно-мотивировочной части кассационного определения от 9 февраля 200_ года за подписями трех судей Верховного Суда РФ имеется следующая фраза: «Тайна совещания присяжных заседателей была соблюдена, как того и требует ст. 341 УПК РФ, что также подтверждается и материалами проверки».

Проведённая заместителем Ростовского областного суда З. служебная проверка, на которую имеется ссылка в кассационном определении, ограничилась следующими проверочными мероприятиями:

— опрос самого М., который факт нахождения в совещательной комнате прогнозируемо отрицал;

— истребование из специализированного отдела СП по ОУПД сведений об обеспечении тайны совещательной комнаты: судебный пристав сообщил, что при нем М. не сообщал присяжным заседателям информации по рассматриваемому делу и не вел с присяжными никаких разговоров;

— истребование из канцелярии суда присяжных сведений о выдаче ключа от совещательной комнаты № 21: согласно справке за время совещания коллегии ключ дважды передавался М. для сопровождения коллегии в туалетную комнату, после чего был возвращен в канцелярию;

— истребование (по ходатайству защитника) из отдела компьютерного обеспечения сведений о видеофиксации обстановки возле кабинета, в котором проходило совещание присяжных заседателей: согласно служебной записке интересующая часть коридора не подпадает в область наблюдения камер, видеоинформация на данном участке не фиксируется.

Судебная коллегия посчитала совокупность представленных материалов проверки достаточной для вывода о соблюдении тайны совещания присяжных заседателей 3 октября 200_ года.

Между тем при принятии решения по результатам проверки сведения, содержащиеся в заявлениях бывших присяжных заседателей Ю. и О., не стали предметом оценки. Нотариально заверенные заявления Ю. и О. были приобщены к кассационной жалобе защитника, однако судьи Судебной коллегии умолчали об этом в кассационном определении и уклонились от оценки как доводов защитника, так и содержания самих заявлений.

Следует отметить, что в ходе проверки сообщения о преступлении в отношении М. бывшие присяжные заседатели Ю. и О. подтвердили факт нахождения М. 3 октября 200_ года в совещательной комнате и сообщения присяжным заседателям сведений очевидно обвинительного характера. Кроме того, в ходе проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ была опрошена Б.Т., также

являвшаяся присяжным заседателем, которая подтвердила вышеприведённые факты.

Опрошенный М. сослался на результаты служебной проверки и воспользовался ст. 51 Конституции РФ.

При таких обстоятельствах, утверждение о соблюдении тайны совещательной комнаты выглядит, по меньшей мере, необоснованным.

На основании изложенного и в соответствии со ст. ст. 412.1-412.11 УПК РФ

ПРОШУ:

Приговор Ростовского областного суда от 23 октября 200_ года, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 200_ года отменить и передать уголовное дело в отношении С. и К. на новое судебное рассмотрение.

Приложения:

- ордер № __ от _____;
- приговор от 23.10.200_ г. (копия);
- кассационное определение от 09.02.200_ г. (копия);

«__» _____ 200_ г.

С уважением,

защитник (адвокат) _____